

Ю. З. Кантор

ВОЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ «РУССКИХ» МУЗЕЙНЫХ И ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ФИНЛЯНДИИ

Прежде чем приступить к обзору событий, происходивших на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны, следует заметить, что почти все ценное в художественно-историческом отношении было вывезено в Хельсинки из Выборга и его окрестностей, а также с Карельского перешейка еще в 1939 г. – в начале Зимней войны.

Планы Военного управления в области сохранения и обеспечения охраны памятников культуры охватывали несколько направлений. Они касались музеев, памятников церковной архитектуры, карельской строительной культуры, сбора предметов, охраны мест сбора предметов и инструктирования. С самого начала в этих планах заметно было восприятие Восточной Карелии как финской территории, на изучении которой следовало сосредоточить достаточное внимание [1, S. 45]¹.

В 1941–1944 гг. в Восточной Карелии работала комиссия от Национального музея Финляндии, которая собирала карельские этнографические ценности: предполагалось, что в дальнейшем, после войны, эта территория (никогда не относившаяся к Финляндии) останется за финнами, и здесь будут созданы новые музеи краеведческого характера, в которые эти экспонаты и поступят. Финские оккупационные власти планировали также создать единственный в мире музей вепсов. Сейчас в фондах Национального музея свыше 400 предметов, собранных в это время – т.н. «русская коллекция». Финляндия была единственным государством – союзником гитлеровской Германии, имевшим намерения не только расширить свои границы за счет территории России, но и принявшим государственные планы по вывозу художественных ценностей с оккупированных территорий. И, соответственно, были сформированы структуры – военные и гражданские – для осуществления этих целей.

В числе задач военных властей в Восточной Карелии была и образовательно-просветительская: «Образование и просветительская работа должны быть направлены на финское население края. Основываются библиотеки, школы, кружки, газеты, начинается радиовещание» [2, л. 58]. В планы по просветительской работе входило также сохранение и собирание памятников культуры. Уполномоченный по сбору художественных и этнографических ценностей Г. Вилкун сообщал в Главную ставку, что при военном управлении необходимо учредить должность этнографа, который мог бы работать при археологической комиссии.

Главная ставка финляндского командования обязывалась соблюдать необходимые требования в отборе вещей и их атрибуции при отправке в финские музеи: «Когда предметы поступают на хранение в музей, нужно, чтобы с ними поступали важные сведения о месте изготовления, наименовании, назначении и т.п. Собрать нужно столько, чтобы коллекции Национального музея были значительно пополнены, и чтобы типичные и тщательно отобранные предметы были для будущих музеев Беломорья и Олонецкой провинций. Кроме того, для типологических предметов есть другие возможности использовать их в волостных музеях, которые уже имеются в Шёлтозеро и Лодейном поле. Развитие музея в Шёлтозеро особенно важно, поскольку это единственный в мире музей вепсов» [3, S. 26].

¹ Здесь и далее представлен материал, переведенный автором статьи.

20 апреля 1942 г. комендант Военного управления отдал приказ «О переводе наиболее ценных в художественном отношении предметов, отобранных специалистами-искусствоведами Л. Санту и С. Тоска из хранилища Государственного музея Карелии в Янислинна [Петрозаводск. – Ю. К.], и передаче их в художественное собрание Атенеума в Хельсинки. Указанные произведения искусства остаются, вплоть до иного распоряжения, в собственности Военного управления Восточной Карелии... ». Эти специалисты и начинали упаковывание предметов [4].

В этой связи представляет интерес обзорный документ, составленный годом позже, но проливающий свет на перемещение художественных и этнографических ценностей из Карелии.

«В архиве трофейных материалов штаба Военного управления Восточной Карелии хранятся важные коллекции изображений, включающие в себя:

1. Перемещенные осенью 1941 г. из музея Янислинна фотографии на паспарту и фотопластины в объеме ок. 25 погонных метров.

2. Полученные из Янислинна и Восточной Карелии трофейные материалы, среди которых имеются старые картины и большая коллекция большевистских пропагандистских изобразительных материалов [5].

В ходе беседы с командующим отделом статистики, капитаном Ярнефельтом, выяснилось, что его отдел хотел бы отправить имеющиеся у них на хранении коллекции в Просветительский отдел Департамента по просветительской работе, в ведении которого находилась музейная деятельность в Восточной Карелии. «В ходе обсуждения мы пришли к выводу, что собрание фотопластин и пропагандистские материалы лучше всего было бы направить на хранение в Финляндию, а фотографии на паспарту оставить пока для возможного использования у отдела Статистики. За упаковывание отвечает отдел Статистики, и груз будет готов к отправке примерно к 10 мая. Поскольку хранимые в архиве трофеев материалы отправятся в Финляндию и принадлежащие Просветительскому отделу иконы следуют туда же, предлагается, чтобы упомянутые выше фотопластины и пропагандистские материалы были перевезены в Тампере, где есть подходящие условия для этого груза. Поскольку для собранных материалов потребуются вагон, можно было бы в этот же раз перевезти также другие ценные предметы из музея, например, кантеле.

Янислинна
29.4.1943

Военнослужащий Эйно Никкиля» [5].

На документе имеется резолюция: «Командующий одобрил».

В 1942–1944 гг. были организованы финские экспедиции в Посвирье и Беломорскую Карелию. Значительная часть собранных ими коллекций блуждала по частным рукам до конца войны. Две из них, собранные во время «войны-продолжения», в Посвирье, Кархумяки, на Карельском перешейке и в Петрозаводском регионе, в 1946–1947 гг. пополнили коллекцию Национального музея. В январе – феврале 1942 г. на территории Карело-Финской ССР

работала экспедиция одного из крупнейших финских археологов С. Пяльси. Она обследовала Александро-Свирский монастырь, деревни Троица, Кенкиево и Самбатус. В исследовательскую группу входили известный журналист О. Пааволайнен и не менее известный поэт и активист М. Хаавио [6]. По данным штаба Военного управления Восточной Карелии через музей Оулу были отправлены на консервацию в исторический отдел и для временного хранения предметы, которые были найдены в Ювалакше. «Поскольку у штаба Военного управления Восточной Карелии не имеется полного списка, просим, чтобы его составили в историческом отделе и направили бы его в просветительский отдел штаба военного управления Восточной Карелии» [7]. Из Беломорского округа штаба Военного управления Восточной Карелии в музей Оулу были отправлены найденные в Ювалакше церковные предметы. Оттуда их предполагалось перевезти в исторический отдел Национального музея для консервации и хранения [8].

Структура, призванная обеспечить и обосновать идеологически государственный грабёж, проводимый финскими оккупантами, была сформирована при Министерстве образования Финляндии. В декабре 1941 г. начал работу Государственный научный восточно-карельский комитет, задача которого сводилась к координации и сбору воедино сведений, полученных в научных отделах и обществах Восточной Карелии.

Одним из первых его документов стал меморандум «О сохранении памятников культуры в Восточной Карелии» от 18.08.1941 г. Его ключевые положения позволяют получить представление об идеологическом «обеспечении» захвата культурных ценностей.

В освещении и описании истории формирования финского племени Восточная Карелия – это то место, откуда берет начало подлинная «калевальскость» [«Калевала» – карельский эпос. – *Ю. К.*]... «Образ старой Восточной Карелии и ее человеческого капитала можно лишь искусственно сохранить в музеях, архивах и в избранных памятниках на местах. Именно сейчас ожесточенная война велит нам истребить все это огнем. Но гражданская обязанность Финляндии в том, чтобы немедленно защитить все то наследие старины, которое пощадила война... Ближайшие задачи таковы:

При сохранении вещественных памятников следует обращать внимание на то, что старые предметы не во всех случаях можно в нетерпении начинать собирать для научной работы. Если предмет сохраняется для музея, необходимо получить точные сведения о его бытовании, наименовании, назначении и т.д. Нельзя все собирать для музеев, сбору подлежит лишь столько, сколько может иметь значение для пополнения коллекций Национального музея и те предметы, которые достаточно представительны и хороши для коллекций будущих музеев Беломорской и Олонецкой провинций. Для последних уже имеется хорошее начало, поскольку предметы сохранились, в Петрозаводске» [9].

Комиссии уже в январе 1942 г. было предписано заниматься исследованиями, которые направлены «прежде всего на те задачи, в решении

которых в Финляндии уже прежде были достигнуты важные результаты, и которые дополняли бы важнейшие с точки зрения нашей страны исследовательские задачи». И, что принципиально важно, по прямой аналогии с нацистским *остфориунгом*, комиссия должна была «направлять упомянутые исследования так, чтобы с их помощью постараться, насколько возможно, сформировать общее представление о новых территориях, которая доказывала бы их безусловную принадлежность Финляндии» [3, S. 57].

Финская археологическая комиссия начала работу в Восточной Карелии еще осенью 1941 г. Совместно с Правлением греко-католической (униатской) церкви они создали «группу по сохранению церковных предметов». От нее в военное управление в качестве консультанта предложена кандидатура сотрудника Национального музея Э. Никкиля. Его задачей было обеспечение сохранности ценных с музейной точки зрения предметов [10, S. 89]. Никкиля начал работу в ноябре 1941 г. и составил инструкцию по обеспечению сохранности и сбору памятников культуры. Согласно ей охране подлежали музеи, церковные древности и строительная культура. Предметы следовало собирать для Центрального и Национального музеев Карелии. Была проведена работа среди капелланов, офицеров, военной полиции, назначены ответственные за сбор и сохранение ценностей в отдельных военных частях [11].

Под руководством Археологической комиссии сотрудники Национального музея «вели исследования в Восточной Карелии». В октябре 1941 г. в результате экспедиции финно-угорская коллекция Национального музея пополнилась 410 предметами. На следующий год экспедиция в Пораярви собрала и передала в Национальный музей около 1 000 карельских предметов. За годы «войны-продолжения» Археологической комиссии было передано свыше 500 икон, в тот же период в отдел нефинской этнографии поступило около 400 русских предметов [10, S. 119]. Финны собрали в общей сложности около 900 предметов культа из кижских церквей и других храмов Заонежья и погрузили на пароход «Медвежьегорск». Так древние русские иконы оказались на территории Финляндии [12].

Работы по изъятию ценностей в Заонежье и Кижях с 1942 г. велись централизованно: под руководством генерал-лейтенанта В. Хеглунда и магистра по церковной архитектуре и истории искусств Л. Петтерссона. Для консультаций в 1942 г. в Карелию были приглашены: один из чинов греко-католической церкви Л. Казанко, православные священники, а также директор художественной галереи в Хельсинки, специалист по иконописи Б. Хинце. Если судить по специализации привлеченных экспертов, то становится ясно, что шла продуманная работа по инвентаризации наиболее ценных образцов древней православной живописи для последующего ее вывоза.

Летом 1943 г. четверо финских экспертов объехали Заонежье. Именно в этот период и созрел план, согласно которому вывезенные вскоре иконы разместили в 5 различных регионах Финляндии – якобы из соображений безопасности. В Хельсинки собирались открыть выставку «Защита искусства в годы войны. Иконопись Восточной Карелии». На нее отобрали 152 иконы,

вывезенные из Кижей, Кондопоги, сел Яндомозеро, Тамбицы, Типиницы и других мест, однако выставка сорвалась. В последний момент лично Верховный главнокомандующий К. Г. Маннергейм распорядился иконы как военные трофеи не выставлять [12].

Финские профессионалы, занимавшиеся санкционированным грабежом художественных и этнографических ценностей, негодовали по поводу того, что «в финских частях идет охота за ценными предметами, особенно за произведениями церковного искусства». Все хотели на память о войне получить карельские образа. «Их берут, где только можно, отправляют в котомки и переправляют домой. В каждой деревне, где мы были, эти собиратели военных трофеев уже побывали до нас, и редкий дом сохранился от них... Эти награбленные в Карелии образа перевозят в Финляндию в огромном количестве, и ими уже здесь торгуют» [13, S. 153]. На вепсских территориях происходило аналогичное, о чем свидетельствовали сами же финские участники экспедиций: «Финские и шведские солдаты уже во время Зимней войны рыскали вокруг, как шакалы или саранча Египетская, и у них нет никакого представления о морали, частной собственности и уважении к памятниками старины...» [3, S. 82]. Специалисты констатировали, что неистовство в сборе сувениров достигло такого размаха, что все «отправлявшиеся к месту отдыха рюкзаки и пакеты теперь нуждались в осмотре силами военной полиции» [14, S. 149].

По заданию главнокомандующего финскими вооруженными силами К. Г. Маннергейма, во время оккупации Заонежья, длившейся с октября 1941 г. по июнь 1944 г., финские специалисты сделали описания многочисленных икон, «собранных для Великой Финляндии». Стоимость каждой, от простой до наиболее ценной иконы, по их оценкам варьировалась от 10 до 15 миллионов финских марок [1, с. 12]. В 1943 г. иконы из знаменитых кижских, построенных в XVII в., и других церквей Заонежья были вывезены в Финляндию. В январе 1944 г. лучшие из вывезенных икон были представлены на выставке, организованной в художественной галерее в Хельсинки. Сценарий этой акции напоминал аналогичную в Риге, где нацистами экспонировались ценности, вывезенные из Пскова, Новгорода и т.д.

Собрание икон в Финляндии пополнилось. В период войны-продолжения (1941–1944. – *Ю. К.*) его удалось за короткое время расширить. В основанном в Яанислинна (Петрозаводске. – *Ю. К.*) музее за время войны накопилось около 950 различных экспонатов, из которых около половины, (когда гитлеровская Германия и ее союзники стали проигрывать войну) были эвакуированы под угрозой бомбежки в так называемую Внутреннюю Финляндию – на исконно финскую территорию. Из оказавшихся в Финляндии 600 предметов большая часть была помещена под охрану в замке Турку, а остальные дожидались лучших времен по разным уголкам страны: в Пялькяне, Рауталампи и Куусамо. Цифры таковы: в 1944 г. в историческом музее Турку – 260 икон, в усадьбе Няри в Пялькяне – 22, в музее Перуа в Рауталампи – 247 и в Куусамо – 5 икон из Восточной Карелии [16, S. 8].

Финские музейщики подключились к санкционированному государством грабежу вполне активно, организуя экспедиции и участвуя в них непосредственно. Делалось это в ряде случаев вполне добровольно, причем, было «оправдано» опять же историко-идеологической целесообразностью. Так, финский этнограф-фольклорист, до войны – просто сотрудница, а с 1948 г. по 1971 г. – директор музея в Хельсинки, Х. Хелминен стала первым исследователем-этнографом, отправившимся в Восточную Карелию для «собира-тельской работы» во время войны-продолжения. По окончании экспедиции, длившейся полтора месяца, она передала в собрание Национального музея Финляндии свыше 400 единиц этнографических предметов из Ребол¹. Эти вещи не возвращены до сих пор.

Было получено разрешение на поездку в регион Ребола. Поездки: Хауккасаари, Вуосниemi, Кииманваара, Сааренпяя, Роуккула, Колвасярви и Вира. Там, а также в Туту, Риикосенниemi, Лахденпохья и Таавинениemi и в других местах церковной деревни Ребола собрано в целом 410 различных музейных предметов, которые в настоящее время прошли инвентаризацию и внесены в опись Национального музея. В разных деревнях сделано в целом 74 фотографии и 175 рисунков. В этнографический отдел Национального музея сдан для архива отчет о поездке на 78 листах [17].

Изучение этого списка могло бы помочь российским исследователям в поиске утраченных в годы войны отечественных этнографических, археологических и художественных ценностей.

Важно отметить, что в 1992 г. финское министерство образования, которому подчиняются музеи, инициировало вывод в отдельный музей «нефинских» этнографических коллекций и создание так называемого Музея культур в рамках музейного ведомства. Странным образом значительную часть собрания нового музея составили предметы из финно-угорских коллекций, иллюстрирующие результаты исследовательских работ на оккупированных территориях [1, S. 250].

Состояние памяти о Второй мировой войне получило новое освещение на открытой весной 2008 г. выставке Музея культур, посвященной Карелии по ту сторону границы. На ней впервые были представлены результаты собирательской работы, проделанной финскими учеными в годы Второй мировой войны в Восточной Карелии. При осмотре выставки прослеживалось, как идея Великой Финляндии и племенных связей финских народов повлияла на этнографическую фиксацию и сбор предметов. Среди прочего на ней были представлены предметы, собранные Хельми Хелминен на Хауккасаари, близ Ребол и Сакари Пяльси – в русских деревнях в окрестностях Александрo-Свирского монастыря [1, S. 250].

Тема вывоза художественных и этнографических ценностей с территории Карелии сегодня остается фактически не исследованной отечественными специалистами, и связей, а тем более совместных проектов в этой

¹ <http://suomenmuseotonline.fi/fi>.

области истории и музееведения практически не существует. Хотя именно такие проекты могли бы существенно расширить представления о карельских культурных утратах времен Великой Отечественной войны и, вероятно, выявить местонахождение вещей, покинувших этот регион в 1941–1944 годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pimiä, T.* Tähtäin idässä. Suomalainen sukututkimus toisessa maailmansodassa / T. Pimiä. – Yväskylä: Yväskylän yliopisto, 2009. – S. 45.
2. РГВА. – Фонд 1401. – Д. 65. – Л. 58.
3. *Furu, L.* Museoesineitä Itä-Karjalasta / L. Furu. – Helsinki, 2010. – S. 26.
4. КА.СА. Т – 5684/6 Itä-Karjalan sotilashallintoesikunta. Valistusosasto. 1941 – 1943. Yleiset kirjet.
5. E. Nikkilän raportti Päämajalle. 29.04.1943. – КА.СА. Т – 5684/7. Itä-Karjalan sotilashallintoesikunta. Valistusosasto. 1942 – 1943. Yleinen kirjeenvaihto.
6. *Haavio, M.* Me marssimme Aunuksen teitä : Päiväkirja sodan vuosilta, 1941-1942 / M. Haavio. – Porvoo; Helsinki, 1991.
7. Valistusasiainosaston päälikkön p.o. Y. Vuorjokin ja E. Nikkilän kirje historialliselle osastolle Muinaistietelille toimikunnalle. 13. 01. 1942. – КА.СА. Т–5684/6. Itä-Karjalan sotilashallintoesikunta. Valistusosasto. 1941 – 1943. Yleinen kirjeenvaihto.
8. Valistusasiainosaston päälikkön p.o. Y. Vuorjokin ja E. Nikkilän kirje Oulun museolle. 13. 01. 1942. – КА.СА. Т–5684/6. Itä-Karjalan sotilashallintoesikunta. Valistusosasto. 1941 – 1943. Yleinen kirjeenvaihto.
9. *Vilkuna, K.* Promemoria Itä-Karjalan kulturimuistijien säilyttäminen. 18.08.194 / K. Vilkuna. – SKSKIA. В 2064 а. Valtion tiittelin Itä-Karjalan toimikunta.
10. *Helminen, H.* Matkapäiväkirja : Museoesineiden keruumatka Repolassa, 6.10-18–11.1941 / H. Helminen. – Helsinki, 2008. – S. 89.
11. *Laine, A.* Suur-Suomtn kahdet kasvot : Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941-1944 / A. Laine. – Helsinki; Otava, 1982.
12. В Финляндии всплыли художественные ценности, вывезенные во время Второй мировой войны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: http://www.lostart.ru/ru/press/?element_id=1196.
13. *Pälsi, S.* Voittaijen jäljissä : Sodanakaisen Aunuksen oloja ja elämää / S. Pälsi. – Helsinki, 1942. – S. 153.
14. *Paavolainen, O.* Synkkä yksinpuhelu / O. Paavolainen. – Helsinki: Otava, 1963. – S. 149.
15. *Гущина, В.* Рука не поднялась на красоту /В. Гущина, Б. Гущин // История. Культура. Литература. – 2001. – № 2. – С. 12.
16. *Huvönen, A.* Itä-Karjalan ikoneista / A. Huvönen // Museotiedote Turusta. – 2005. – № 3. – S. 8.
17. H. Helmisen toimintakertomus Valtion tietellisen Itä-Karjalan toimikunnalle. 1941. – SKSKIA. В 2064 а. Valtion tiittelin Itä-Karjalan toimikunta.